

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

**АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О МОНГОЛЬСКИХ
И ТЮРКСКИХ НАРОДАХ
В АКАДЕМИЧЕСКИХ
СОБРАНИЯХ РОССИИ**

Доклады научной конференции

Издание подготовили
И. А. Алимов, И. В. Кульганек, Е. В. Павлова

Санкт-Петербург
2000

А. Цендина

**ОБ ОДНОМ СОЧИНЕНИИ
ПО ИСТОРИИ БУДДИЗМА В МОНГОЛИИ,
ХРАНЯЩЕМСЯ В БИБЛИОТЕКЕ ИВ РАН**

В библиотеке ИВ РАН хранится машинописная рукопись на русском языке (VII М 7 ж/эрд), озаглавленная: «Что является причиной религий, исповедуемых монгольскими племенами». Автор — Эрдэнипэл, переводчики на русский язык — Ринчен и Самбу. 200 машинописных страниц.

Габджу Эрдэнипэл (1877—1960) был одним из образованнейших людей Монголии, первым настоятелем монастыря Гандан в г. Улан-Баторе после восстановления в нем религиозной службы в 1944 г. Свой труд он написал, по-видимому, в 1930-х гг., когда был вынужден покинуть монастырь из-за политических репрессий, обрушившихся на буддийских монахов в Монголии. Возможно, он работал над своим трудом по заказу Монгольского Ученого комитета. В 20-х и 30-х гг. такая практика существовала. Ученый комитет несколько раз инициировал написание трудов по истории Монголии известными учеными ламами или светскими литераторами. Говоря о построении Эрдэни-дзу, Эрдэнипэл пишет: «Можно предположить, что Эрдэни-дзу со дня основания Абатай-ханом, считая по 28-й год МНР, существует как таковой в течение 353 лет» (с. 156). По-видимому, он имеет в виду не дату образования МНР (возможно, это ошибка переводчика) — 1924 г., а дату установления независимости Монголии — 1911 г., в прошлом традиционно использовавшуюся в обозначении дат. В этом случае датой окончания труда будет 1939 г., что, между

прочим, сходится и с цифрой 353, обозначающей количество лет, прошедших со времени построения Эрдэни-дзу (1586).

Причина перевода сочинения на русский язык и обстоятельства появления его в Москве загадочны. Оно было переведено в начале 1940-х гг. Один из переводчиков, судя по написанию имени и многочисленным ремаркам в тексте, — известный монгольский ученый, академик Б. Ринчен. Известно, что, находясь в начале 40-х гг. в тюремном заключении по обвинению в шпионаже в пользу Японии, Б. Ринчен использовался властями в качестве переводчика текстов на русский язык. Кто такой Самбу, установить не удалось. Возможно, этот перевод был послан в Москву в качестве материала для написания однотомной Истории МНР, готовившейся в СССР. Конечно, все это лишь предположения, никаких данных на этот счет сама рукопись не содержит, никакими фактами из других источников я не обладаю. Текст перевода изобилует стилистическими погрешностями, опечатками, не снабжен ни введением, ни комментариями. Однако в настоящее время монгольский оригинал сочинения не обнаружен. Поэтому русский его перевод приобретает значительную ценность.

Сочинение написано в рамках традиционной монгольской историографии, в жанре так называемых «историй религии». Оно повествует об истории Монголии с древнейших времен, о древних верованиях монголов, о распространении в Монголии буддизма, о событиях, связанных с вхождением монголов в империю Цин (XVII в.). Изложение прерывается на второй половине XVII в., и это дает основание предположить, что перед нами лишь первый том. Рукопись поделена на четырнадцать глав. Деление условное, порядковый номер главы часто не указан, дано только название:

Глава I. Что является конечной причиной религий, исповедуемых монгольскими племенами? (с. 1)

Глава II. О шаманской вере древних предков монголов (с. 3).

Глава III. Учение Шигимуни и распространение его церкви в Монголии (с. 15).

[Глава IV.] Принятие восточными монголами религии Шигимуни и падение ее в Западной и Восточной Монголии (с. 38).

- Глава V. О том, каковы были у монголов религиозные дела, начиная со времен Чингис-хана и до распространения желтой религии (с. 49).
- [Глава VI.] Эпоха трех ханов после Чингис-хана (с. 66).
- [Глава VII.] Период Хубилай-цецен-хана (с. 78).
- Глава VIII. О десяти императорах Юаньской династии после Хубилая (с. 88).
- [Глава IX.] Эпоха 16 малых ханов после Тогон-Темур (с. 95).
- [Глава X.] Пути распространения желтой религии в Монголии и общая картина глубокой связи ее с властью маньчжур (с. 104).
- [Глава XI.] Как желтая религия распространилась в Монголии. О том, как желтая религия распространилась в Монголии и как стала иметь глубокие связи с маньчжурской властью.
- [Глава XII.] Наступление беспокойных времен в Монголии (с. 176).
- [Глава XIII.] Первые хитрости, которые пустили [в ход] тибетские ламы, чтобы подчинить всех монголов исключительно желтому учению и объединить их (с. 188).
- [Глава XIV.] Первые попытки с маньчжурской стороны полной колонизации всех монголов посредством использования религии в качестве оружия (с. 198).

В первой части, касающейся древнего периода и охватывающей первые четыре главы, Эрдэнипэл с материалистических, или, лучше сказать, с вульгарно-материалистических позиций пытается объяснить причины возникновения религиозных верований страхом древнего человека перед таинственными силами природы. «Истоки всякой религии и культа лежат в вымысле, родившемся у робкого, мягкосердечного человека», — пишет он (с. 2). Затем он рассказывает о происхождении монголов, отвергая версии о китайских, индийских и тюркских истоках монголов и настаивая на их происхождении от народа могол или таджиков, т. е. персов. Эрдэнипэл обосновывает эту идею записями тибетцев о хорах, которых он считает одной ветвью моголов, свидетельствами китайских и тибетских путешественников, а также монгольскими древними сказаниями о переселении монголов с запада на восток. Таким образом, Эрдэнипэл предлагает гипотезу о западном происхождении монгольского шаманизма. Он упоминает добуддийскую веру тибетцев бон как возможный источник верований древних монголов. Интересно, что эта гипотеза

сопрягается с уже современными идеями Б. И. Кузнецова и Л. Н. Гумилева о происхождении и бона, и монгольского шаманизма от персидского вероучения маздакизма.

Затем Эрдэнипэл рассказывает о проникновении буддизма к монголам.

Сообщает Эрдэнипэл также данные китайских хроник о распространении буддизма в государстве Ляо. Киданей он называет народом монгольского происхождения. Несмотря на знакомство киданей с учением Будды, «в период высшего расцвета Киданьской страны религия Шигимунуи в Монголии пришла в сильнейший упадок», — пишет он (с. 45).

В разделе о Чингис-хане (гл. V) Эрдэнипэл вновь возвращается к историографическим традициям монголов и кратко пересказывает биографию Чингис-хана по монгольским летописям.

Далее Эрдэнипэл пересказывает известный миф об установлении Чингис-ханом отношений хана-милостынедателя и ламы-наставника с сакьяским ламой. Он склонен думать, что переписка между монгольским ханом и настоятелем Сакьяского монастыря существовала в действительности, но склоняется к тому, что адресатом Чингиса был Сакья-пандита Гунгаджалцан, а не основатель монастыря Сакья-Гунганинбу, как на это указывает большинство монгольских летописей.

Эрдэнипэл сравнительно подробно останавливается на приглашении Угэдэем тибетского ламы Гун-Данбы и о предпочтении им тибетского буддизма мусульманству и христианству. Он анализирует противоречивые сведения монгольских летописей, некоторые из них указывают на Угэдэя как на пригласившего Сакья-пандиту, а некоторые — на царевича Годана.

В части, описывающей период правления юаньских ханов, Эрдэнипэл вполне традиционен. Он приводит типичный для историй религии в Монголии, как, впрочем, и для монгольских хроник, набор эпизодов, ограничивающийся, как правило, рассказом о принятии юаньскими ханами буддизма и о их взаимоотношениях с духовными наставниками. Интересны сведения автора о пребывании в ставке Хубилая Пагба-ламы.

В рассказе о периоде после падения Юаньской династии и до Батмунхэ Даян-хана Эрдэнипэл следует мон-

гольским летописям, повествуя о долгих войнах между восточными монголами и ойратами. Между прочим, он отмечает, что монгольские ханы вернулись к почитанию вечного Неба. Кроме того, они стали поклоняться и духу Чингис-хана. Эрдэнипэл указывает, что уже Бату-хан потребовал от русского князя Михаила поклониться духу Чингис-хана, от чего тот отказался и был казнен.

Далее автор нашего сочинения переходит к изложению данных о распространении в Монголии «желтой религии». В начале он останавливается на истории буддизма в Тибете, особенно подробно рассказывая об учении Цзонхавы. В частности, он приводит данные тибетских источников о возникновении института перерождений в секте черношапочных кармапасцев и заимствовании этого института желтошапочниками.

Эрдэнипэл анализирует данные источников о формировании семи хошунов Халхи. Он утверждает, что Халха как отдельный тумэн появилась задолго до времени государства Батмунхэ-хана, и халхасцы были потомками киданей. Затем автор переходит к рассказу о возвышении тумэдского Алтан-хана и принятии им буддийского верования от III Далай-ламы. Об этом он повествует очень подробно. Он замечает, что на самом деле Алтан-хан тумэдский и Сэчэн-хунтайджи ордосский познакомились с буддизмом намного ранее, во время своих походов на Амдо. Он подчеркивает, что в это время монголы принимали не только гэлугпаских иерархов, но и сакьясцев и карджудпасцев. Есть в этом сочинении и курьезные построения. Обосновывая тот факт, что монголы фактически стали буддистами в XVI в., Эрдэнипэл пишет: «Тибетцы древле были любителями чая. Религия Будды, распространенная среди тибетцев, этих любителей чая, не может быть оторвана от чаепития. В Монголии же до второй половины XVI в. не употребляли чая. Поэтому когда в 1577 г. или в 5-м году правления Минского Вань-ли в 9-й луне шаньсийский пристав Цзюй-ши-ши-чен доложил, что Гуюань-су-цзюнь-фу Алтан-хан послал монгольское письмо с просьбой открыть торговлю чаем, то китайцы удивились: почему монголы, совершенно не употреблявшие чая, вдруг запросили его? Что бы это могло значить? По этому факту можно судить, что буддизм в Монголии распространился со второй половины XVI века» (с. 125).

Эрдэнипэл пишет, что Минский Китай способствовал принятию монголами буддизма, стремясь усмирить воинственных соседей. Таким образом, еще задолго до маньчжурской династии, которой обычно приписывается политика поддержки процесса распространения буддизма в Монголии, эту идею претворяли в жизнь власти Минского Китая. Он приводит многочисленные цитаты из китайских сочинений, подтверждающих это.

Далее идет рассказ о принятии буддизма халхасцами. Эрдэнипэл тщательно анализирует дату встречи Далай-ламы и Абатай-хана. Как известно, в источниках говорится о 1577 или 1586 г. Эрдэнипэл останавливается на последнем. Он утверждает, что халхасцы были знакомы с буддизмом и ранее, считая, что Абатай-хан и его младший брат приняли буддийскую веру, будучи в походе на олётские племена, которые познакомились с буддизмом намного ранее восточных монголов. Другое интересное сообщение касается посылки Далай-ламой в Халху для освящения Эрдэни-дзу сакьяского ламы. Сравнив большое количество данных, Эрдэнипэл приходит к выводу, что Далай-лама «считал, что Сакьяский закон не хуже закона желтой веры и так же хорош... Монастырь Эрдэни-дзу был вначале, по-видимому, даже почти Сакьяским, придерживающимся в основном его догм и установлений» (с. 154).

Далее Эрдэнипэл повествует о начале перевода религиозных сочинений на монгольский язык, о войне между халхасцами и олётами, о возвышении хошутского Гуши-хана, о религиозной войне в Тибете, о поездке Сайн-ноёна Тумэнхэна в Лхасу, о вступлении войск западных монголов в Тибет для поддержки партии желтошапочников в начале XVII в., об избрании V Далай-ламы, о кознях Таранаты против желтошапочников, т. е. рассказывает преимущественно о тибето-монгольских отношениях.

Последняя часть этого сочинения посвящена началу маньчжурской «эпохи». Эрдэнипэл показывает, как завоевание маньчжурами монголов было облегчено распрями последних на религиозной почве.

Как мы видим, Эрдэнипэл использовал большой фактический материал, частично не известный до настоящего времени, почерпнув его из многочисленных монгольских летописей, тибетских исторических сочинений и китайских хроник. Чаще всего он не указывает своих источни-

ков, но иногда называет их. В частности, он цитирует «Золотое сказание», по-видимому Лубсандандзана, «Желтую историю», «Хрустальные четки» Рашпунцага, «Хрустальное зеркало» Джамбадорджа, многочисленные тибетские источники, например «Дэбтэр джамцо», которое он называет «Дэбтэрийн далай», китайские хроники, например «Мэнгу-ю-му-цзы». Судя по сведениям, сообщаемым им, он работал и с сочинением Саган-Сэцэна «Илэтхэл шастрой», тибетскими дунрабами, гарчиками, перепиской чиновников, дневниками и пр.

Чувствуется отдаленное знакомство автора с некоторыми европейскими трудами и методами исторической науки. Такое сочетание образованности в традиционных знаниях со стремлением использовать новые подходы делает его сочинение интересным не только с исторической, но и с историографической точки зрения. Эрдэнипэл ставит своей задачей если не анализировать события, то хотя бы объяснять их, а это заставляет его искать в исторических источниках, с которыми он был хорошо знаком, новые данные, а также вводить в оборот неизвестные, забытые или периферийные для монгольской историографии сочинения.

A. Tsendina

**A WORK ON THE HISTORY OF BUDDHISM
IN MONGOLIA FROM THE LIBRARY OF THE SPIOS**

The library of the SPIOs contains a typewritten manuscript in Russia (VII M 7 zh/erd) entitled: «What is the cause of the religions professed by the Mongol tribes». The author is Erdenipel; the translators into Russian, Rinchen and Sambu. It consists of 200 typewritten pages.

Gabdzhu Erdenipel (1877—1960) was one of the most educated man in Mongolia, the first superior of the monastery of Gandan in the city of Ulan-Bator after the resumption of religious services in 1944. He appears to have written his work in 1930, when he was compelled to abandon the monastery because of the political repression which befell the Buddhist monks of Mongolia.

The reason for the work's translation into Russian and the circumstances of its appearance in Moscow are difficult to ascertain.

At present, the Mongolian original has not been found, which renders the Russian translation of significant value.

The work fits within the framework of traditional Mongolian historiography, the genre of the so-called «histories of religion». It narrates the history of Mongolia from the most ancient times and tells of the Mongols' ancient beliefs, the spread of Buddhism in Mongolia, and events linked with the Mongols' entrance into the Tsin Empire (17th century). The exposition breaks off in the second half of the 17th century, which gives

reason to believe that it is merely a first volume. The manuscript is divided into 14 chapters.

In the first part, which treats the most ancient period and includes the first four chapters, Erdenipel, basing himself on materialist (or, to me more accurate, vulgar materialist) positions, attempts to explain the reasons for the emergence of religious beliefs as a consequence of ancient man's fear of the mysterious forces of nature.

Erdenipel goes on to describe the spread of Buddhism among the Mongols.

Erdenipel also recounts information from Chinese chronicles on the spread of Buddhism in the Liao state. He calls the Kidan a people of Mongol descent.

In the section on Chingis-khan (chapter V), Erdenipel returns to the historiographical traditions of the Mongols and briefly recounts the biography of Chingis-khan on the basis of Mongol chronicles.

Later, the author moves to an exposition of information on the spread of the «yellow religion» in Mongolia.

Erdenipel writes that Ming China aided the Mongols' acceptance of Buddhism in an attempt to pacify their warlike neighbors.

Erdenipel goes on to describe the first translations of religious works into Mongolian, the war between the Khalkhas and the Olyot, the elevation of the Khoshut Gushi-khan, the religious war in Tibet, Sain-noyon Tumenkhen's journey to Lhasa, the entrance of the Western Mongols' troops into Tibet to support the «yellow hats» faction in the beginning of the 17th century, the election of the V Dalai-lama, Taranata's plotting against the «yellow hats» ... In short, he concentrates on Tibetan-Mongolian relations.

The final part of the work deals with the beginning of the Manchurian «era». Erdenipel shows that the Manchurian conquest of the Mongols was aided by religious strife among the latter.

As we have seen, Erdenipel used a great deal of factual material partially unknown until the present which he extracted from numerous Mongolian chronicles, Tibetan historical works,

and Chinese chronicles. In most cases, he does not indicate his sources, although there are exceptions.

One senses that the author was distantly familiar with several European works and the methods of historical science. This combination of traditional knowledge and a desire to employ new approaches renders his work interesting from a historiographical, as well as historical, vantage point. Erdenipel set as his goal perhaps not an analysis of events, but at least an explanation, which compelled him to seek out new information in the historical sources he knew and to introduce into circulation unknown or forgotten sources or works which had hitherto remained peripheral to Mongolian historiography.
